

УДК 281.93/94

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.157-170

БОГОСЛОВ НУРГАЛИ ХАСАНОВ: СТОЙКОСТЬ НА ИЗБРАННОМ ПУТИ

Р.И. Маликов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена судьбе авторитетного мусульманского богослова Среднего Поволжья, шейха, ахуна Нургали Хасанова. Его жизненный путь, полный не только ярких событий, неустанного труда, признания, славы, но и немалых испытаний и горя, реконструируется на основе труда богослова «Ал-гауатыф ал-хамидия фиссаяхэти нурия» («Благодарные чувства светлых путешествий»), посвященного паломничеству; его автобиографического сборника «58 ел гасырда жәүәләң» («В одном столетии 58 лет путешествий»); а также материалов фонда Симбирского губернского правления, Симбирского губернского жандармского управления, Государственного архива Ульяновской области и татарских газет «Кояш», «Йолдыз», «Азад», «Өлфәт», журнала «Мәгълүмат». Описанные события охватывают период жизни богослова с 1852 по 1919 гг.

Научная новизна исследования заключается в том, что в отечественной историографии личность ученого Нургали Хасанова была мало изучена. На основе источников раскрываются сильные стороны его характера, терпимость к испытаниям, мудрость. На примере жизнеописания этой яркой личности представляется возможность восприятия исторических процессов того времени и понимания того, с какими трудностями встречались в жизни мусульманские религиозные деятели, богословы Среднего Поволжья конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Нургали Хасанов, г. Буинск, Буинское медресе, прихожане мечети, татарская махалля, джадидизм и кадимизм, пантюркизм и панисламизм, жизненные трудности, высказывания современников

Нургали Хасанов (1852–1919) считается одним из самых ярких представителей мусульманского просвещения, известным религиозным деятелем, богословом конца XIX – начала XX в. (фото 1). Его судьба была богата знаменательными событиями, испытаниями, радостями и печалью. Испытания в его жизни начинаются с самого его рождения. Родители по каким-то причинам разводятся, и он растет под опекой дедушки и бабушки со стороны матери. Когда ему исполняется 6 лет, умирает его мать, через несколько лет один за другим уходят из жизни пожилые дедушка и бабушка. Он остается на попечении родственников, которые отдают шестилетнего мальчика в одно из казанских медресе. Маленький Нургали оказывается в очень тяжелом положении. Но, несмотря на все лишения, он с большим усердием берется за учебу. Благодаря своим незаурядным способностям, старанию, безупречному поведению, преодолевая трудности,

Фото 1. Нургали Хасанов, 1908 г.

он получает обширные религиозные знания сначала в г. Казани (в Апанаевском медресе), а затем в г. Бухаре (медресе «Мир-Араб»), чем открывает себе дорогу к достойной жизни. В 1886 г. его, молодого ученого, приглашают в г. Буинск имамом мечети и руководителем самого крупного медресе уезда, которому он посвящает всю свою жизнь.

Большим испытанием и печалью в семейной жизни Нургали Хасанова была смерть его детей. От двух его браков остались в живых лишь двое сыновей. В то время детская смертность была очень высока. Часто дети умирали от разных инфекционных болезней (коклюш, дифтерия, туберкулез (чахотка), корь, скарлатина и др.). На татарском кладбище г. Буинска обнаружена могила троих его детей, на которой стоит общий надгробный камень (фото 2). По вероучению ислама, дети, которые умерли, не достигнув совершеннолетия, будут заступниками перед Аллахом в Судный день, а их родителям за проявленное терпение обещан Рай. Зная это, Нургали хазрат стойко переносил такие тяжелые моменты в своей жизни и молил Аллаха, чтобы умершие его дети действительно стали его заступниками, а оставшимся в живых просил долголетия (I, с. 27). Особо печалился он о смерти сына Габдрахмана и посвятил ему стихи, написанные на надгробном камне:

И, балам, тормышымның хэсрәте [син],
 йөрәк ярам, күз яшем син
 И, балам, арта бара хэсрәт уты,
 һәм күзләремнән [һаман] яшылар тама.

О сын мой, [ты есть] печаль моей жизни,
 Ты рана моего сердца, мои слезы.
 О сын мой, и все больше возгорается печаль
 во мне,
 И все еще слезы текут из глаз моих¹.

¹ Перевод с татарского здесь и далее наш. – Р.М.

Фото 2. Надгробный камень на могиле детей Нургали Хасанова

Большой утратой для Нургали Хасанова стала смерть его жены Бибихаджар в октябре 1913 г. В газете «Кояш» упоминалось о том, что он проводил по ней поминальные меджлисы (II).

Нургали хазрат был активным, деятельным, публичным человеком, находился в центре событий мусульманской жизни в Буинском уезде и за его пределами. Он был близко знаком со многими видными татарскими общественными и религиозными деятелями той поры, общался с ними и переписывался. Будучи богословом, посвятившим большую часть своей жизни получению знаний и их распространению, имел свои принципиальные позиции по многим вопросам в сфере образования, религии, общественной жизни, которые он последовательно отстаивал.

Нургали Хасанов пользовался большим авторитетом и уважением среди населения г. Буинска, но, как следствие, имел и завистников, недоброжелателей, так как при исполнении им своих служебных обязанностей, таких как решение конфликтных ситуаций, споров в приходе, увещевание супругов, родственников, встречал людей, недовольных его решениями. Завистников у богослова в г. Буинске было несколько человек. В своих записях их имен он не называет. Однако упоминает о двух пожилых людях, которые жили с ним по соседству более 20 лет. Они очень ревниво относились к его успехам, богатству, постоянно следили за ним, распространяли сплетни обо всем происходящем в его личной жизни. Вспоминая о них, Нургали хазрат писал следующее:

Сколько городов видел,
Со сколькими народами встречался,
Но таких, как эти двое стариков,
Живущих по соседству, нигде не встречал.
Бесчисленное количество невзгод и горести
Они принесли мне своим явным и скрытым вредом (I, с. 29).

Следует упомянуть, что до 1904 г. недоброжелатели Нургали Хасанова распространяли по городу слухи, что он бросил своего сына Гаясетдина, когда

отправил его учиться в г. Бухару (к родителям жены). Когда сын вернулся в г. Буинск после завершения учебы, выучив Коран, домыслы прекратились (I, с. 27).

В начале XX в. Нургали хазрат оказался в очень неприятной ситуации, связанной со строительством в городе второй мечети. Дело в том, что действующая соборная мечеть, несмотря на большие размеры, не вмещала всех молящихся, особенно в месяцы учебных занятий шакирдов Буинского медресе. К 1905 г. их количество достигло 500 человек. Из-за отсутствия места прихожане вынуждены были совершать ежедневные коллективные молитвы на улице. Это приводило к простудным заболеваниям, особенно среди пожилых людей и детей [1, с. 241]. Стоит отметить, что с каждым годом численность жителей г. Буинска увеличивалась. Всего в 1905 г. в городе насчитывалось около 4500 человек, из них 1372 были татарами (719 мужчин, 653 женщины). Проживали они в 243 домах в татарской части города (III). Поэтому необходимость строительства новой мечети была для всех очевидной.

В мае 1901 г. активисты из числа прихожан: Хайбулла Бакаев, Хисамутдин Хасанов и другие – начали готовить документы. Нургали Хасанов с самого начала поддержал строительство. На это он дал свое письменное согласие, благословение и рекомендацию: построить с благими намерениями и желательно подальше от действующей мечети. Однако власти не дали разрешения на строительство по просьбе Симбирской духовной консистории (органа епархиального управления Русской православной церкви), которая боялась, что «появление второй мечети в городе станет соблазном для местных крещеных татар в их переходе в ислам» [2, с. 242].

Активисты вновь обратились к губернским властям с просьбой разрешить им построить мечеть, но прошение было отклонено со ссылкой, что в городе есть действующая мечеть, где имамом служит Нургали Хасанов. Плохо знающие русский язык активисты не поняли всех слов, а уловили лишь отказ на прошение о строительстве и имя богослова. У некоторых появилось подозрение в сговоре Нургали хазрата с властями. В результате недоброжелатели, пользуясь случаем, стали сгущать краски, обвиняя его в предательстве, двуличии, корысти и распространяя слухи о том, что он написал заявление властям против строительства второй мечети. Этим они пытались вызвать недоверие простого народа и очернить имама. Богослов в своем труде «58 ел гасырда жәүәлән» («В одном столетии 58 лет путешествий») отмечал, что это время было сложным периодом в его жизни (I, с. 27).

В итоге, несмотря на противодействие православных иерархов, в апреле 1905 г. Симбирский губернатор Л.В. Яшвиль дал разрешение на строительство второй мечети. Мечеть была построена за полгода силами буинских купцов и татарского населения (фото 3) (см. (IV; I, с. 27), а также [2, с. 241]).

Но клязники не успокоились. Они всячески старались опорочить Нургали Хасанова и постоянно находили новые поводы для жалоб и доносов на имя муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания, в органы губернской власти и даже на имя императора Николая II, в которых обвиняли имама в политической неблагонадежности, шпионаже в пользу другой страны, в неисполнении служебных обязанностей и других небылицах, требуя немедленного его увольнения и привлечения к ответственности. Доносов и наговоров стало

Фото 3. Вторая соборная мечеть г. Буинска. Фото 1989 г. Сейчас мечеть носит название Центральная мечеть имени Габдульмалик

особенно много после получения богословом высшей награды от турецкого султана Абдулхамидом II (ордена «Османие» I степени) и позже золотой медали «За усердие» от императора Николая II. На страницах татарских газет того периода вышли статьи как с поздравлениями, так и с выражением недовольства, а то и явной клеветой в его адрес (V, с. 47, 56).

Все разбирательства доносов властями подтверждали необоснованность обвинений и невиновность Нургали хазрата. Он воспринимал подобные случаи как испытание или милость Аллаха, много молился, принимал меры для выхода из ситуации. Сам ученый по этому поводу писал: «Аллах открыл мне благосклонность султана, это увеличило число моих врагов, пришлось не раз услышать в свой адрес клевету. В добавление ко всему обо мне плохо написали в газетах, однако эта трудность стала причиной облегчения и обретения мудрости и нового опыта» (V, с. 48).

В отношении притеснителей богослов занимал благородную позицию. Никогда не отвечал на их зло злом, а молился за их исправление. По этому поводу он написал в своих заметках: «Как бы они [завистники] безрассудно и бездумно ни поступали, мы ровно ни одним словом не писали и не отвечали. <...> Хвала Аллаху, который не сделал злобным наше сердце и не сделал громогласными наши уста. Мы не распространяем плохое ни словом, ни письмом» (V, с. 80).

В конце XIX – начале XX в., в период модернизации страны, изменения многих сторон жизни общества привели к необходимости реформирования системы мусульманского образования. Богословам, религиозным деятелям, которые получали знания по старометодной форме, нелегко было осознать эту ситуацию и изменить свои взгляды в соответствии с требованиями нового времени. В их числе был и богослов Нургали Хасанов. А молодежь всегда стремится к новому, легко адаптируется к новым веяниям в обществе. Среди большого

количества учеников Нургали хазрата были такие, которые стали видными деятелями в татарском мире, в том числе Зариф Башири, Хади Атласи, Абдулла Нежметдинов, Ибрагим Биккулов, Шакир Мухаммадов, Мухаммад-Садых Иманкулый, Шигабутдин Ахмеров, Ярулла Валеев и многие другие. Некоторые из них стали выступать против традиционной кадимистской формы обучения, воспитания и неодобрительно высказываться в адрес своего наставника. На страницах татарских газет встречаются статьи с обвинениями его в консерватизме. Он не мог согласиться с непочтительным отношением к наставникам. Для него личность учителя была свята, он был благодарен всем своим наставникам и всегда молился за них. Его удивляло то, как можно быть неблагодарным тем, кто дал тебе знания, воспитание и открыл дорогу к достойной жизни. О таких он писал следующее:

У всех народов сложилось одно мнение:
Высока честь и достоинство наставника,
Знания и деяния людей, обидевших своего наставника,
Становятся грязными и мутными от смешения пороков (I, с. 28).

Естественно, процессы перехода от старых, устоявшихся форм жизни к новым всегда происходили и происходят болезненно, вызывают серьезные конфликты между сторонниками и противниками изменений. Подобное наблюдалось и в татарском обществе, что нашло свое отражение и в судьбе богослова. Нургали Хасанов постепенно стал осознавать необходимость прогрессивных изменений. Проанализировав сложившуюся в обществе ситуацию, а также, вероятно, прислушавшись к мнению своего духовного наставника Зайнуллы ишана Расулева, с 1906 г. он приступил к совершенствованию учебного процесса в Бунском медресе в направлении к джадидистской форме обучения (VI). Но эти нововведения привели к недовольству консервативной части прихожан. Приверженцы старых порядков стали неустанно критиковать действия богослова и противиться им. Во избежание раздора Нургали Хасанов был вынужден на несколько лет отложить задуманные изменения и ограничиться только небольшим обновлением учебного процесса (VII; VIII). Но к 1911 г., несмотря на недовольство части прихожан, он все-таки внедрил джадидистскую форму обучения с сохранением некоторых кадимистских порядков и конфессиональной направленности (VIII; IX; X).

В начале XX в., особенно в предвоенные годы, Российская империя была обеспокоена возможным влиянием на российских мусульман Османской империи. В борьбе с идеологией пантюркизма и панисламизма (объединения вокруг Османского халифата всех мусульман и тюркских народов) усилились проверки политической благонадежности мусульманского духовенства, мусульманских учебных заведений, издательств, активных деятелей из числа сторонников джадидизма, печатной литературы и даже личной переписки [3, с. 23–39]. По всем доносам проводились тщательные расследования. Завистники Нургали Хасанова не упустили возможности воспользоваться ситуацией и с начала 1912 г. они неустанно стали писать анонимные доносы на него, обвиняя в «пантюркизме и панисламизме». Все проверки показывали необоснованность обвинений. Наконец доносов стало настолько много, что в начале марта 1912 г. из г. Симбирска с жандармами приехал сам глава Симбирского губернского жандармского управления,

полковник Табельский. Прибывшие вместе с местными полицейскими и понятыми окружили медресе и провели тщательный обыск. Проверяли все классы, библиотеку, иные помещения, учебники, тетради, письма учеников и учителей. Осмотрели все, что можно было, и ничего подозрительного не обнаружили, о чем составили протокол. Затем проверяющие направились в дом Нургали Хасанова. Обыскали все его комнаты, просмотрели все книги, записи, письма в его библиотеке и личном кабинете. В присутствии понятых Нургали хазрат показывал всё, что они просили. В итоге обыска ничего подозрительного не было обнаружено. Проверяющие составили протокол и попросили прощения у богослова за причиненные неудобства. Мусульмане г. Буинска были весьма обеспокоены происходящим, многие стояли на улице. Все были очень рады благополучному завершению обысков. Как писали в татарской газете «Йолдыз», «только доносчики были, наверное, в печали, что они не смогли достичь своей цели» – навредить богослову (XI).

Тем не менее недруги не оставили Нургали Хасанова в покое и продолжали писать. В конце апреля 1912 г. губернатор Симбирской губернии А.С. Ключарёв пригласил к себе Нургали хазрата, его сына Гаясетдина (заместителя по учебной части) и имама второй соборной мечети Абдуллу Губайдуллина и объявил им, что на каждого из них собрано очень много доносов: Нургали хазрата обвиняют в шпионаже из-за получения ордена от турецкого султана во время совершения хаджа; Гаясетдин хазрата – в том, что он учился в г. Стамбуле и некоторое время в г. Мекке и Медине, поэтому он также неблагонадежен; а Абдуллу хазрата обвиняли в сборе денег для Турции. Губернатор был информирован об их благонадежности и высоком авторитете среди населения. Он объявил им, что «на этот год прощает, но, если продолжатся доносы, придется... дела направить в суд» (XII).

Однако, не понеся наказания за ложные обвинения, злопыхатели не оставляли своего занятия. Так, летом 1912 г. в одном из доносов на имя Симбирского губернатора А.С. Ключарёва Нургали Хасанова и имама второго прихода Абдуллу Губайдуллина обвиняли в том, что они «заставляют учеников молиться за Турцию» и что в г. Буинске есть сильная партия панисламистов и, кроме этого, «перечисленные лица распространяют среди населения панисламистские идеи» (XIII, л. 7). Власти еще раз провели тщательное расследование, опросили прихожан и получили свидетельские показания. В результате 2 июня того же года начальник Симбирского жандармского управления написал губернатору о том, что «факт молений за Турцию никаким из свидетельских показаний не был подтвержден. О существовании партии панисламистов сведений никаких не добыто» (XIII, л. 8 об.). В последующем сведений о подобных проверках имамов г. Буинска в исторических источниках не выявлено. Очевидно, власти перестали реагировать на поступающие доносы, понимая их бессмысленность.

Из анализа большого количества архивных документов, газетных публикаций, воспоминаний, касающихся мусульманских религиозных деятелей начала XX в., следует, что власти во всех следственных делах, связанных с доносами, проводили подробные разбирательства и давали объективные заключения. Случаев подлога или «подставы» со стороны представителей власти не встречалось.

Не достигнув желаемого с помощью клеветы и доносов, враги Нургали хазрата начали распространять в округе слухи о том, что Буинское медресе не в состоянии открыться в новом 1912/13 учебном году: власти якобы запретили его образовательную деятельность и т. п. (XIV). Однако медресе, как обычно, продолжало свою работу, даже приняли еще больше шакирдов. Тем не менее подобные слухи повторялись и в последующих 1913, 1914 гг. (XV). Руководство медресе официальным обращением через газеты на каждый случай давало опровержение, и слухи на какое-то время затухали, но затем возобновлялись (XV). Предпринималась попытка очернить деятельность медресе. Так, в мае 1914 г. в газете «Кояш» вышла статья одного из недоброжелателей о том, что в Буинском медресе будто бы неудачно прошли публичные выпускные экзамены, выпускники не смогли ответить на элементарные вопросы по арабской грамматике, а одному шакирду сожгли подушку и чуть не устроили пожар. В следующем номере вышло опровержение, где говорилось, что «эта информация – клевета и не соответствует действительности. <...> В этом учебном году руководитель медресе и преподаватели с усердием вели образовательную деятельность, в конце которой провели прекрасные экзамены. <...> Среди шакирдов царил [строгий] порядок и не известен факт сожжения подушки». Автор статьи просил редакцию газеты без проверки не публиковать такого рода нелепую информацию (XVI).

Таким образом, завистники, несмотря на все свои старания, не смогли нанести вреда Нургали Хасанову, а только укрепили его дух и послужили стимулом к еще более активной деятельности. Со временем они вынуждены были оставить богослова в покое, убедившись в правоте его слов и действий или же в своем бессилии ему навредить (XIV).

Нургали хазрата очень беспокоили случаи аморального поведения среди прихожан. Наблюдая за проступками и ошибками некоторых, он старался их наставлять своими мудрыми советами. В начале XX в. серьезной проблемой становилось увеличение продажи алкоголя. В г. Буинске, где больше половины проживавших были русские и чуваша, питейные заведения имелись на каждой улице (XVII). Постепенно и среди татарского населения стало увеличиваться число выпивающих, особенно среди уезжавших на заработки в города, на угольные шахты, нефтяные промыслы, на заводы, где они нередко привыкали к выпивке и, вернувшись, уже не хотели отказываться от нездоровой привычки (XVII; XVIII). Их пагубный пример действовал на верующих, особенно на молодежь. Поэтому проповеди Нургали Хасанова больше были посвящены темам нравственности мусульман, предостережения от грехов и запретного. Сам он был безупречным образцом. Его личная жизнь, трудовая деятельность, каждый его шаг и слова были в центре внимания прихожан [4, с. 11]. Об этом он писал следующее: «Ни в одной стране так не обсуждают слова, действия и жизнь имамов, как в нашем народе». Слова «имам сказал так... имам сделал так... были основной темой для обсуждения обывателей» (I, с. 29).

В минуты тяжелых испытаний Нургали хазрат написал следующие стихи:
О как же много глупых среди тех, кого ты совершенными считаешь!
А среди праведных дурных порой не считаешь.
И слывших справедливыми средь нас нередко в вероломстве уличают.
А сколько служащих у нас свой долг небрежно исполняют.

Молву пустить о том, что прав, не в силах тот, кто прав.
 Что он желанием томим слова свои сдержать.
 Лишь направление своё пытался объяснить.
 И вот хотят в создании мазхаба обвинить.

С разбитым сердцем, со слезами на глазах он, притесненный, к Господу
 взывает.

Всевышний, занавес пред ним открыв, на мольбы отвечает... (V, с. 80).

Как духовный наставник, Нургали Хасанов, проявляя благородство, всегда
 прощал тех, кто ему приносил страдания, но больше не приближал их к себе.
 Об этом он написал так:

Акыл ияләре диде:	Умные люди сказали:
Гафу кыл дошманыңны –	Прости ты своего врага –
Күренер күп файдасы.	Извлечешь из этого много пользы (I, с. 27).

Последние годы жизни богослова тоже были нелегкими. Он часто болел,
 но продолжал образовательную деятельность в медресе и участвовал в обще-
 ственной жизни (XIX; XX). Страна переживала большие перемены и тяжелые
 потрясения: Первая мировая война, свержение царской власти в 1917 г., установ-
 ление Временного правительства, приход к власти большевиков, начало крово-
 пролитной Гражданской войны; переход г. Буинска под власть то белых, то крас-
 ных; грабежи, разорение населения и голод... [5, с. 82]. К сожалению, сведений о
 Нургали Хасанове, относящихся к тому периоду, не сохранилось. Остается толь-
 ко предполагать, какие еще испытания приготовила ему судьба в эти нелегкие
 времена. После тяжелой болезни он покинул этот мир 19 мая 1919 г. в возрасте
 67 лет.

Проводить в последний путь известного мусульманского ученого собралось
 огромное количество людей из сел Симбирского, Буинского, Тетюшского уездов.
 Он был похоронен на татарском кладбище г. Буинска рядом с могилами уважае-
 мых людей [6, с. 6]. Его славные дела продолжили сыновья и многочисленные
 ученики.

В источниках нам удалось обнаружить высказывания видных современни-
 ков, которые по-разному характеризуют личность богослова Нургали Хасанова.
 Так, известный татарский живописец и скульптор Баки Урманче (его отец Идрис
 хазрат и богослов были друзьями) написал о нем следующее: «В то время, когда
 руководителем Буинского медресе был Нургали дамулла, я был маленьким. Он
 считался одним из упрямых людей, но, похоже, был обладателем огромных зна-
 ний. Одаренность ученого разными путями передавалась и его ученикам. Из ин-
 теллигенции среди моих знакомых, окончивших Буинское медресе, есть очень
 уважаемые люди: Хади Атласи, Шакир Мухаммадов, Капал Фатых, Шигаб Ах-
 меров, Нури Алиев, Ибрагим Биккулов, Самат ахун Шагидуллин. Все они уче-
 ники Нургали дамуллы» (XXI).

Известный татарский религиозный деятель, богослов, муфтий Ризаэтдин
 Фахретдин в своей книге «Асар» писал о Нургали Хасанове как об открытом
 и обаятельном человеке: «В период нашей жизни в г. Оренбурге один раз узнал
 о его приезде в Оренбург. Долгое время он у меня был в гостях» [7, б. 445].

В рецензии на книгу Нургали Хасанова (I), посвященную поездке в хадж и описывающую встречи с видными суфийскими духовными наставниками и их внутренние состояния и чудеса (караматы), Р. Фахретдин, вероятно находясь под влиянием некоторых салафитских идей реформаторов Мухаммада Абдо, Мухаммада Рашида Рида и Джамалуддина аль-Афгани, написал: «В сочинении много непонятного и суеверий. Для такого ученого, как Нургали мулла, писать такие вещи – большой недостаток» [8, б. 328]. В то же время в своей книге «Ибн Араби», посвященной известному мусульманскому ученому, суфию, Ризаэтдин Фахретдин цитирует Нургали Хасанова, описывая внешность мыслителя [9, б. 36–37].

Известный татарский богослов, историк, шейх Мурад Рамзи писал о Нургали Хасанове следующее: «Мулла Нургали ибн Хасан сейчас является одним из известных ученых» [10, с. 486].

Знарок исламских наук Саляхетдин ибн Сахибзада аль-Анкаби назвал Нургали хазрата так: «Всезнающий ученый, величайший учитель, совершенный имам г. Буинска Нургали ибн шейх Хасан» [11, б. 94].

Инспектор народного просвещения Н. Самосатский 25 мая 1903 г. писал в своем отчете, что к «наплыву учащихся с разных сторон» в Буинское медресе имеет отношение «и настоящий глава этой конфессиональной школы, ахун Буинской соборной мечети Нургалей Хасанов, изучавший ислам в г. Бухаре, тамошней высшей мусульманской духовной школе, называемой “Медресе Мир-Араб”, имеющий ученые степени, почти не умеющий говорить по-русски (со мной беседующий через переводчика) и крайне фанатичный в религиозном отношении, за что, кажется, пользуется особым почетом среди татар» (XXII).

Глава Симбирского жандармского управления, полковник Табельский в 1912 г. в докладе о мусульманском духовенстве Буинского уезда Симбирскому губернатору пишет о Нургали Хасанове как о «мусульманском ученом старого уклада» (XIII, л. 8).

Известный православный миссионер С.В. Чичерина в своих путевых записях 1905 г. дала следующее объяснение почтительного отношения представителей власти Буинского уезда к ахуну Нургали Хасанову: «Когда к чиновнику – интеллигентному русскому человеку, занимающему известное положение, приходит в шелковом халате и чалме ахун, который чувствует, что он оказывает честь русскому тем, что пришел, то русский интеллигент сажает его любезно. А если придет священник, особенно инородческий, его и не посадит, и большей частью даже руку ему не подаст» [12, с. 350].

Известный профессор-востоковед, доктор филологических наук Абдрахман Тагирович Тагирджанов, учившийся в Буинском медресе, в своей автобиографии упоминает, что Нургали Хасанов приходился ему дядей со стороны матери: «Он учился в Бухаре, а в Буинске держал крупное медресе» [13, с. 318].

Касим Биккулов, известный религиозный деятель, историк, писатель, педагог, имам д. Новые Тинчали Буинского уезда, 5 января 1916 г. по случаю 30-летия религиозной деятельности Нургали Хасанова в г. Буинске написал в газете «Кояш» следующее:

«Несмотря на то, что Буинск был небольшим городом, его название было далеко известно благодаря деятельности медресе и выдающихся мударрисов [ученых, руководителей медресе]. Построенное шестьдесят лет назад каменное

здание старого медресе стало достойной колыбелью воспитания мулл, а число шакирдов, которые там учились, если бы велась запись в журнале, несомненно считали бы [многими] тысячами. До настоящего времени только у Нургали хазрата получили знания и стали имамами около 200 мулл, очень много муэдзинов, около десяти ахунов, несколько преподавателей [в государственных учебных заведениях], два представителя [депутата] в Государственной думе, много учителей [в мектебе и медресе] и 7–8 мударрисов [руководителей] больших медресе, воспитывающих много учеников. Принимая во внимание все его труды, невозможно не дать [высокую] оценку деятельности Нургали хазрата. Он искренно, от души, неустанно вел службу на национальном и религиозном поприще, жертвуя своим отдыхом и здоровьем. Долг нашего народа, и особенно шакирдов, достойно представить деятельность уважаемого хазрата. Правда, как и везде, есть свои недостатки, они были присущи и самому дамулле и его медресе. Это характерно для любой сферы деятельности. Однако невозможно отрицать его очевидные заслуги...

Мы искренне [высоко] оцениваем деятельность почтенного дамуллы. С радостью поздравляем с наступающим юбилеем!» (XXIII).

Видный религиозный деятель советского и постсоветского времени, казый Татарстана Габдельхак Саматов в своей книге «Милләтебездә Ислам дине» («Ислам в нашем народе») включает Нургали Хасанова в число самых известных татарских ишанов, таких как Зайнулла ишан из Троицка, Закир хазрат из Чистополя, которые при своей жизни пользовались признанным авторитетом [14, б. 152].

Подводя итог жизненному пути богослова Нургали Хасанова, следует отметить, что он прожил яркую плодотворную жизнь, достиг больших успехов, признания и славы. Но вместе с тем на его долю выпало немало испытаний и горя. Он оставался стойким на религиозном пути (истикамат), сильным духом и благородным, достойно переносил все трудности, был всегда верным своему предназначению – служению людям на поприще религии.

Источники

- I – *Нургали бин Хасан аль Казани, аль Мирзави*. 58 ел гасырда жәүәлән [В одном столетии 58 лет путешествий]. – Оренбург: Дин ва мағыйшат, 1910. – 32 б. (поэтический сборник на тат. яз.).
- II – Азгыш. Мөхәбирләремездән. Буадан // Кояш. – 1913. – 3 дек. (№ 277). – Б. 5.
- III – Государственный архив Ульяновской области (ГА УО). Фонд Симбирского губернского правления (Ф. 88). Оп. 1. Д. 1385. Л. 23.
- IV – ГА УО. Фонд Симбирского губернского правления (Ф. 88). Оп. 4. Д. 227. Л. 57.
- V – *Нургали бин шейх Хасән ал-Казани*. Ал-гауатыф ал-хамидия фиссаяхәти нурия [Благодарные чувства светлых путешествий]. – Казань: Братья Каримовы, 1907. – 80 с. (на араб. языке).
- VI – *Гаяс Хәсәни*. Буадан // Өлфәт. – 1906. – 23 февр. (№ 12). – Б. 3.
- VII – Өтраф хәбәрләре // Азад. – 1906. – 24 март (№ 22). – Б. 3.
- VIII – Өтраф хәбәрләре. Буа хәбәрләре // Йолдыз. – 1910. – 19 окт. (№ 599). – Б. 3.
- IX – Өтраф хәбәрләре. Буадан // Йолдыз. – 1911. – 16 окт. (№ 744). – Б. 3.
- X – Өтраф хәбәрләре. Буа // Кояш. – 1914. – 3 июль (№ 452). – Б. 3.

- XI – Этраф хэбэрлэре. Буа // Йолдыз. – 1912. – 20 март (№ 810). – Б. 3.
- XII – Этраф хэбэрлэре. Буа хэбэрлэре // Йолдыз. – 1912. – 1 май (№ 830). – Б. 3.
- XIII – ГА УО. Фонд Симбирского губернского жандармского управления (Ф. 885). Оп. 1. Д. 1137. Л. 7, 8, 8 об.
- XIV – Этраф хэбэрлэре. Буадан // Йолдыз. – 1912. – 11 окт. (№ 892). – Б. 4.
- XV – Буада мэдрэсэ Нурия идэрэсеннэн // Кояш. – 1914. – 18 сент. (№ 513). – Б. 4.
- XVI – Азгыш. Идэрэгэ мэк түплэр: Буадан // Кояш. – 1914. – 6 май (№ 406). – Б. 5.
- XVII – Үз мэхбэрэмездэн. Этраф хэбэрлэре. Буадан // Кояш. – 1912. – 21 дек. (№ 7). – Б. 4.
- XVIII – Ж. Буа өязеннэн. Хайрукум мин рыйзки фил бэйтиһэ (Изгерэгегез – йортында торып рыйзык таба алганыгыздыр) // Кояш. – 1913. – 3 нояб. (№ 254). – Б. 2.
- XIX – Буа мэдрэсэ һәм шукулларының быелгы хисаבלары // Йолдыз. – 1916. – 19 май (№ 1647). – Б. 4.
- XX – Ышбу ватан сугышында каһарманлык күрсәткән Гиоргиевский кауалыйлар үе мохтаж гаилэлэре файдасына Ислам мэхәллэлэре тарафындан жылынымыш иганәләрең хисабы // Мәгълүмат – 1917. – 1 гыйнвар (№ 1). – Б. 20.
- XXI – Фонд Баки Урманче // Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. Ф. 15.
- XXII – ГА УО. Фонд: Директор-инспектор училищ Симбирской губернии (Ф. 99). Оп. 1. Д. 1182. Л. 42.
- XXIII – *Мулла Касым Биккулов*. Утыз ел хезмәт хәтирәсе // Кояш. – 1917. – 5 гыйнвар (№ 1064). – Б. 3.

Литература

1. *Кобзев А.В.* Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Н. Новгород: Медина, 2007. – 446 с.
2. *Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* Мусульманская община г. Буинска и Буинского уезда на рубеже XIX – начала XX в. // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVII в. – 1917 г.): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (25 апр. 2006 г., г. Казань). – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. – С. 240–245.
3. *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Казань: Иман, 2002. – 199 с.
4. *Коблов Я.Д.* О магометанских муллах: Религиозно-бытовой очерк. – Казань: Центр. тип., 1907. – 17 с.
5. Буинские просторы = Буа ягым-тау ягым. – Казан: Идел-Пресс, 2000. – 448 с.
6. *Маликов Р.И.* История Буинского медресе. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 40 с.
7. *Фәхрәддин Ризәддин.* Асар. – Казан: Рухият, 2010. – Т. 3–4. – 648 б. (на тат. яз.).
8. *Фәхрәддин Ризәддин.* Мәшһүр адәмнәр: «Шура» журналы сәхифәләреннән. – Казан: Рухият, 2012. – 376 б.
9. *Фәхрәтдин Р.* Ибн Араби / Пер. со старотат. – М.: Форум, 2019. – 240 с. (на тат. яз.).
10. *Мурад Рамзи.* Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва аль-мулук ат-татар [Собрание сведений из прошлых событий в Казани, Булгаре и о татарских царях]. – Оренбург: Тип. Каримова и Хусаинова, 1908. – Т. 2. – 540 с. (на араб. яз.).
11. *Саләхәтдин бин Сахибзада әл-Әнкаби.* Бәянел хикмәтел муталаяга. – Казан: Тип. Вечиславова, 1892. – 94 б.

12. *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев: путевые заметки. – СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905. – 647 с.
13. *Тагирджанова А.Н.* Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. – Казань: Идел-Пресс, 2010. – 576 с.
14. *Саматов Г.Г.* Милләтебездә Ислам дине. – Казан: Иман, 1998. – 180 б.

Поступила в редакцию
26.10.2020

Маликов Рашид Ильязович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования Института международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *rashidbua@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 6, pp. 157–170

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.157-170

Theologian Nurgali Khasanov: Resilience throughout Life

R.I. Malikov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: *rashidbua@mail.ru*

Received October 26, 2020

Abstract

The fate of Nurgali Khasanov, the distinguished Muslim theologian of the Middle Volga region, sheikh, and akhund, was discussed. His life path, full of not only bright events, tireless work, recognition and fame, but also of ordeals and grief, was reconstructed on the basis of the work “Grateful Feelings of Bright Journeys” dedicated to pilgrimage, his autobiographical collection “58 Years of Travel in One Century”, as well as using the materials from the foundation of the Simbirsk provincial government, the Simbirsk provincial gendarmerie department, the State Archive of the Ulyanovsk Region, the Tatar newspapers (“Koyash”, “Yoldyz”, “Azad”, “Ölfət”), and the “Məglymat” magazine. The events described cover the period of life of the theologian from 1852 up to 1919.

The study is highly relevant, because the personality of Nurgali Khasanov has been insufficiently investigated in Russian historiography. The strengths of his character, tolerance for ordeals, and wisdom were shown. With the help of the biographical description of his outstanding personality, it seems possible to perceive the historical processes of that time, to understand the difficulties encountered by Muslim religious figures and theologians of the Middle Volga region during the late 19th–early 20th centuries.

Keywords: Nurgali Khasanov, Buinsk, Buinsk madrasah, mosque-goers, Tatar mahalla, jadidism and cadimism, Pan-Turkism and Pan-Islamism, ordeals, statements of contemporaries

Figure Captions

Photo 1. Nurgali Khasanov, 1908.

Photo 2. Tombstone placed on the grave of Nurgali Khasanov’s children.

Photo 3. Photo of the second cathedral mosque in Buinsk, 1989. Now called the Abd al-Malik Grand Mosque of Buinsk.

References

1. Kobzev A.V. *Islamskaya obshchina Simbirskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [The Islamic Community of the Simbirsk Province in the Second Half of the 19th–early 20th Centuries]. Nizhny Novgorod, Medina, 2007. 446 p. (In Russian)
2. Salikhov R.R., Khairutdinov R.R. The Muslim community of Buinsk and Buinsk district at the turn of the 19th–early 20th centuries. *Mecheti v dukhovnoi kul'ture tatarskogo naroda (XVII v. – 1917 g.). Materialy Vseros. Nauch.-prak. konf. (25 aprelya 2006 g., g. Kazan')* [Mosques in the Spiritual Culture of the Tatar People (17th century – 1917). Proc. All-Russ. Sci. Pract. Conf. (April 25, 2006, Kazan)]. Kazan, Inst. Ist. Akad. Nauk RT, 2006, pp. 240–245. (In Russian)
3. Arsharuni A., Gabidullin Kh. *Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii* [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. Kazan, Iman, 2002. 199 p. (In Russian)
4. Koblov Ya.D. *O magometanskikh mullakh: Religiozno-bytovoï ocherk* [About the Mohammedan Mullahs: An Essay on Religion and Everyday Life]. Kazan, Tsentr. Tip., 1907. 17 p. (In Russian)
5. *Buinskïe prostory* [Buinsk Vastness]. Kazan, Idel-Press, 2000. 448 p. (In Russian)
6. Malikov R.I. *Istoriya Buinskogo medrese* [History of the Buinsk Madrasah]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2015. 40 p. (In Russian)
7. Fakhreddin R. *Asar*. Vols. 3–4. Kazan, Rukhiyat, 2010. 648 p. (In Tatar)
8. Fakhreddin R. *Famous People: From the Pages of the "Shura" Magazine*. Kazan, Rukhiyat, 2012. 376 p. (In Tatar)
9. Fahretdin R. *Ibn Arabs*. Moscow, Forum, 2019. 240 p. (In Tatar)
10. Murad Ramsay. *A Collection of Disclosures from the Past Events of Kazan, Bulgar, and the Tatar Rulers*. Vol. 2. Orenburg, Tip. Karimova Khusainova, 1908. 540 p. (In Arabic)
11. Salyahetdin ibn Sahibzad al-Ankabi. *Explaining the Wisdom of the Book "Mutalyaga"*. Kazan, Tip. Vechislavova, 1892. 94 p. (In Tatar)
12. Chicherina S.V. *U privolzhskikh inogorodtsev: putevye zametki* [Volga Foreigners: Travel Notes]. St. Petersburg, Tip. V.Ya. Mil'shteina, 1905. 647 p. (In Russian)
13. Tagirdzhanova A.N. *Kniga o Muse-efendi, ego vremeni i sovremennikakh* [A Book about Musa-Effendi, His Time and Contemporaries]. Kazan, Idel-Press, 2010. 576 p. (In Russian)
14. Samatov G.G. *Islam in Our People*. Kazan, Iman, 1998. 180 p. (In Tatar)

Для цитирования: Маликов Р.И. Богослов Нурғали Хасанов: стойкость на избранном пути // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 6. – С. 157–170. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.157-170.

For citation: Malikov R.I. Theologian Nurgali Khasanov: Resilience throughout life. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 6, pp. 157–170. doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.157-170. (In Russian)